

Знание Бога и знание о Боге

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРУДНОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Знание Бога нужно отличать от знания о Боге. Первое есть непосредственное восприятие Бога внутренним чувством, второе есть достояние ума и памяти. О первом говорит Евангелие: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). О том же говорит пророк Исаия: *Вол знает владельца своего, и осел ясли господина своего, а Израиль не знает Меня* (Ис. 1, 3). И самое слово «религия» означает не простое понятие о Боге, а живую связь между живыми существами — человеком и Богом.

Закон Божий, которому учат в школах, не имеет целью дать детям знание Бога (это знание он предполагает уже существующим); он дает детям только знание о Боге. А так как знание о Боге, как и всякое другое знание, усваивается только умом и памятью, то и изучение Закона Божия в школе обычно становится отвлеченным, внешним усвоением религиозных истин, не проникающим в глубину души.

Между тем, независимо от уроков Закона Божия, во мне, в моем раннем детстве, существовала религиозная жизнь. Я, как и всякий другой ребенок, познавал Бога не внешним опытом и не доводами разума, а непосредственно, внутренним восприятием, потому что я создан по образу и подобию Божию. Будучи подобен Богу, человек внутренне и непосредственно воспринимает Бога и познает Его. Это внутреннее восприятие Бога присуще всем людям. Если мы перестанем ощущать Бога в себе, то не потому, что мы к этому не способны, а потому, что чувство Бога заглушается в нас или заблуждениями нашего горделивого ума, или греховностью нашего испорченного сердца. Прийти к познанию Бога не значит найти Бога вне себя, как некоторый внешний предмет, или убедиться в Его существовании какими-то логическими доводами. Это значит каким-то таинственным образом дать возможность нашему внутреннему «я» увидеть Бога внутренним оком.

Отсюда ясно, что никаким умножением богословских знаний нельзя достигнуть познания Бога. Сильные богословской ученостью иудейские книжники не в состоянии

были усмотреть в Иисусе Христе Его Божественную силу, которую видели в Нем простые рыбаки, мытари и блудницы. И в наше время богословское, семинарское и академическое образование не обеспечивает религиозности. Если познание Бога достигается внутренним зрением сердца, то главный труд, главная задача религиозного влияния и воспитания заключается в том, чтобы суметь сохранить или пробудить в руководимом это зрение сердца, или, иначе сказать, произвести в его сердце такое изменение, чтобы открылись очи его к зрению Бога. Конечно, я отнюдь не хочу отрицать значения и важности богословского образования и обучения Закону Божию; я хочу только отметить, что знание Бога надо ясно отличать от знания о Боге и, сообщая детям последнее, не думать, что этим исчерпывается задача религиозного руководства. Знание о Боге, несомненно, необходимо, так как оно дает конкретное содержание нашему знанию Бога: оно уясняет нам наше понятие о Боге, отношение Бога к миру и мира к Богу. Детская душа, тем более возрожденная в Таинстве Крещения, обладает естественной способностью знать Бога. Это, вероятно, и имеет в виду Господь Иисус Христос, когда говорит: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Не-*

бесное (Мф, 18, 3). Это свойство внутреннего, непосредственного зрения Бога некоторые люди сохраняют на всю жизнь. Таковы прежде всего святые. Не из внешнего опыта и не посредством рассуждений и логических заключений пришли они к познанию Бога. Они знали Бога так же непосредственно, как мы непосредственно воспринимаем свет и теплоту солнца. Библия не доказывает бытия Божия, святые не ищут доказательства бытия Божия. Ставить признание бытия Божия в зависимость от соображений нашего разума, постоянно колеблющихся и меняющихся в зависимости от проницательности нашего ума и от запаса наших знаний, — это значило бы обосновать несомненное сомнительным или рассматривать солнце при помощи тусклой свечи. Но не только святые, но и обыкновенные люди иногда в течение своей жизни сохраняют дар непосредственного, живого и несомненного восприятия бытия Божия, и это особенно свойственно людям простым и смиренным, свободным от соблазнов горделивого разума и нечистого сердца.

Почему одни люди до конца дней своих сохраняют в душе своей постоянную, непоколебимую веру, между тем как другие теряют ее, иногда теряют окончательно, а иногда с большим трудом и страданиями возвращаются к ней? В чем заключается причина этого явления? Мне кажется, это зависит от того, какое направление принимает внутренняя жизнь человека в его раннем детстве. Если человек инстинктивно или сознательно сумеет сохранить правильное отношение между собой и Богом, он не отпадет от веры; если собственное «я» займет в его душе неподобающее ему первенствующее и господствующее место, вера в душе его затмится. В раннем детском возрасте собственная личность обычно еще не становится на первом месте, не делается предметом поклонения. Почему и сказано: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф, 18, 3). С годами собственная личность все более и более возрастает в нас, становится центром нашего внимания и предметом нашего угождения.

И эта в себе самих сосредоточенная эгоистическая жизнь обычно идет по двум направлениям: по направлению чувственности, служения телу и по направлению гордости, узкому доверию и преклонению перед рассудком вообще, и перед своим собственным в частности... Обыкновенно бывает так, что то и другое направление не совмещаются в одном и том же человеке. У одних преобладают соблазны чувственности, а у других — соблазны рассудочности. Чувственность с возрастом переходит иногда в половую нездоровость, от которой бывают свободны натуры рассудочные и гордые.

Чувственность и гордость, как два вида служения собственной личности — это, как раз, те именно свойства, какие проявились, как мы знаем, в первородном грехе первозданных людей и воздвигли преграду между ними и Богом. То, что случилось с первозданными людьми, происходит и с нами. Нездоровое направление нашей внутренней жизни с детства, приводящее к развитию в нас или чувственности, или гордости, загрязняет чистоту нашего внутреннего, духовного, зрения, лишает нас возможности видеть Бога. Мы отходим от Бога, остаемся од-

ни в своей эгоистической жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таков процесс нашего отпадения от Бога. У тех же людей, которым удается сохранить правильное отношение с Богом, процесс развития эгоистических, чувственных и гордых расположений встречает преграду в памяти о Боге; они берегут в себе и чистоту сердца, и смирение ума; и тело, и ум у них вводятся в свои границы их религиозным сознанием и долгом. Они смотрят на все возникающее у них в душе как бы с некоторой высоты своего религиозного сознания, производят надлежащую оценку своим чувствам и стремлениям и не позволяют им овладевать собою бесконтрольно. При всех постигающих их соблазнах они не теряют основное религиозное направление их жизни. Таким образом, задача и трудность религиозного руководства заключаются в том, чтобы помочь ребенку, мальчику, юноше или девушке сохранить правильное соотношение между собой и Богом, не дать развиваться в себе соблазнам чувственности и гордости, которыми засоряется чистота внутреннего зрения.

Вспоминая свою молодость, я должен сознаться, что именно указанным мною внутренним процессом произошла во мне в 13–14-летнем возрасте утрата религиозности. Развивавшиеся во мне влечения чувственности и чрезмерное доверие к уму, гордость рассудочности мертвили мою душу. И не я один, многие из моих товарищей страдали тем же. Если бы около нас нашелся наблюдательный и опытный руководитель и заглянул в нашу душу, то, может быть, он нашел бы в ней что-нибудь хорошее, но, главным образом, он нашел бы в ней лень, лакомство, лживость, скрытность, самонадеянность, чрезмерную уверенность в своих силах и возможностях, критическое и скептическое отношение к чужим мнениям, склонность к поспешным и необдуманным решениям, упрямство и доверчивое отношение ко всяким отрицательным теориям и т. д. Не нашел бы он только в душе нашей память о Боге и рождаемой ею тишины и смирения. Такого руководителя у нас не было.

Говорят научите детей в обстоятельствах их повседневной жизни, домашней и школьной, замечать присутствие Бога, и вы поможете им сохранить веру. Это не совсем так. Верующие дети, несомненно, всегда видят в своей повседневной жизни присутствие Бога, но в том и горе, что это не мешает им в старшем возрасте потерять веру, и то, что в детстве своем они объясняли очевидным воздействием Бога, в юношеском возрасте уже представляется им в другом освещении, и свою детскую веру они начинают считать наивным заблуждением. Соображения, кажущиеся в детстве очень основательными и убедительными, взрослого человека перестают удовлетворять. Когда мне было 11–12 лет, я однажды никак не мог решить заданной нам трудной задачи. Я пробился над ней целый вечер напрасно. Ложась спать, я усердно помолился, чтобы Господь помог мне решить эту задачу. Ночью мне приснилось решение этой задачи, и утром, вскочив с постели, я с радостью записал его, и моя душа полна была глубокого благодарного чувства к Богу, в помощи Которого я не сомневался. Когда же мне исполнилось 17 лет, этот мой детский опыт ничуть не помешал

мне считать себя неверующим, я объяснял случившееся бессознательной работой отдохнувшего ума.

Этот случай показывает, что наши детские заключения об участии Бога в нашей жизни ничуть не обеспечивают нам сохранение веры в юности. Юности вообще свойственно относиться ко всему скептически, а в особенности к тому, что предлагается старшими как неоспоримая и обязательная для молодежи истина, или что было внушаемо им старшими в детстве.

Говорят, читайте детям Библию: Библия научит их знать Бога. Несомненно, конечно, что слово Божие, слышанное в детстве, оставляет свой след в душе и приносит плод в свое время. Однако, и в этом случае имеет значение не убедительность библейских истин для ума, а нечто иное, более глубокое, производимое словом Божиим изменение сердца. Если Библия остается только достоянием ума и памяти, она не поможет сохранению веры. Библейские рассказы, с полным доверием выслушанные и принятые в детстве, в юности, особенно под влиянием отрицательной научной критики и расхожих взглядов, уже вызывают недоверие и отрицание. Нужна глубокая и непоколебимая вера в Библию как в подлинное слово Божие, чтобы не утратить благоговейного отношения к ней, а такой веры, как мы знаем, не имеют иногда профессиональные богословы.

То же самое нужно сказать и о чтении Житий святых. Жития святых, конечно, могут воодушевлять подвигом христианской жизни, но для этого нужно, чтобы мы видели в святых не только героев давно минувших времен и исключительных обстоятельств, а наших вечных спутников, наставников и помощников в христианском подвиге, живых членов Святой Христовой Церкви, с которыми мы можем быть в постоянном общении и к которым мы можем обращаться с молитвами о помощи. Другими словами, память о святых только тогда приносит нам настоящую помощь, когда мы живем полною христианскою жизнью, живем в Церкви в нераздельном единении со святыми и когда святые не являются для нас только далеким историческим воспоминанием.

Все указанные способы религиозного влияния на молодежь страдают тем коренным недостатком, что они скользят по поверхности, обращаются преимущественно к рассудку и не соотносятся с внутренним состоянием детской души, уже начавшей разлагаться под влиянием греха. Чтобы оказать действительную, реальную помощь в религиозной жизни, необходимо вникнуть в этот внутренний, духовный процесс, происходящий в молодой душе и приводящий ее к духовному опустошению. Только ясно представляя себе этот процесс в каждом индивидуальном случае, можно увидеть выход из этого состояния. Главное же в этом процессе развитие греховного, замкнутого в себе расположения. С этим-то и надо бороться, а не обращаться только к уму с рассуждениями общего характера. Как утрата веры, так и возвращение к ней никогда не совершаются путем спокойного, теоретического, исключительно умственного процесса. И утрата веры, и возвращение к ней являются обычно тяжелой внутренней драмой, чрезвычайно мучительной, доводящей иногда до отчаяния, до желания смерти, и эта драма тя-

нется иногда многие годы. Излечить такое внутреннее состояние одними только разговорами и благочестивыми наставлениями или учеными лекциями невозможно. Необходимо болезненному процессу внутреннего разложения противопоставить иной, творческий процесс внутреннего оздоровления через воздействия на душу некоторой здоровой, положительной, творческой силы. Главнейшая забота религиозного воспитания должна заключаться в том, чтобы не в сознании только ребенка, не в памяти его и не в привычках, а в самой глубине духа его сохранилась связь с Богом. Эта внутренняя связь с Богом должна быть той твердыней, о которую должны разбиваться все соблазны чувственности и горделивого самообольщения. Помочь ребенку в этом деле может прежде всего благотворная среда живой религиозной веры и любви к Богу. Как свеча загорается от горящей свечи, так и в детской душе разгорается огонь веры и любви не от наставлений и не от правил, а от окружающего ее духа веры и любви.

Основанием правильного религиозного воспитания является стремление с самых ранних лет вложить в душу ребенка положительное христианское содержание, вложить не как нечто внешнее и временное, а как ответ на собственные глубочайшие запросы его духа. С этим положительным содержанием в душе ребенку легче будет преодолевать возникающие в нем темные, греховные влечения и соблазны. И все же мы должны признать, что лишь немногие счастливые и крепкие духом натуры успевают устоять на положительном христианском основании своего духа, большинство же молодежи переживают тяжелый и мучительный процесс отхода от Бога и последующего к Нему возвращения. В кратких словах я постараюсь изобразить этот процесс.

Возникающие в молодой душе и постепенно развивающиеся влечения чувственности и горделивого самообольщения в конце концов становятся господствующими элементами души. Молодая душа становится их послушным орудием. В этом послушном служении своим желаниям и страстям молодежь полагает даже свою свободу и горячо протестует против всякой попытки ограничения этой мнимой свободы.

Нельзя сказать, чтобы эти воздвигнувшиеся в молодых душах кумиры доставляли им действительное удовлетворение. Они носятся с ними, но покоя себе не находят. Страдают и тоскуют, ищут чего-то лучшего, более правдивого, чистого и прекрасного, откуда и возникает та жажда найти смысл и цель жизни, которая так присуща молодости. Отсюда вытекает страсть к посещению великих людей или к писанию им писем в надежде услышать от них спасающее, руководящее слово или готовый рецепт истинной жизни. Отсюда увлечение всевозможными учениями и теориями, обещающими всеобщее счастье и блаженство. Потеряв под собою религиозную почву своего раннего детства, молодежь употребляет все усилия утвердиться на какой-нибудь другой почве. Однако все эти прекрасные порывы и стремления большей частью не выходят за пределы мечтаний. Не хватает воли к реальному деланию добра, к преодолению чувственности, к отрешению от бесплодных умствований. В конце концов создается тяжелая внутренняя драма, неудовлет-

воренность, тоска, недовольство собою, желание смерти. Охваченные этим настроением, молодые люди погружаются в самих себя, забывают самых близких и родных людей, чувствуют глубокое одиночество. И в этом одиночестве они создают себе самые фантастические, нездоровые планы. Ни усиленная работа, ни шумное веселье не могут разогнать этого тяжелого состояния духа.

В этот период может последовать перелом в религиозной жизни. По прежнему пути идти уже некуда. Собственное внутреннее состояние представляется отвратительным, хотя юноша или девушка, может быть, еще не умеет назвать его греховным. Является желание найти подлинный, высокий, прекрасный и неумирающий смысл жизни, ибо жить, не найдя такого смысла, — значит владеть жалкое, бесцветное, бесцельное, скучное существование изо дня в день. В этот роковой момент перелома молодой жизни в душе вдруг каким-то загадочным и таинственным путем загорается некоторый свет, возникает некоторое свежее и радостное чувство, появляется некоторая надежда — жизнь не бессмыслица. Откуда берется эта уверенность, что жизнь не бессмыслица? Что такое жизнь? До сих пор молодая мысль склонялась к механическому мирозерцанию: жизнь есть совокупность атомов и сил и их непрерывное движение и взаимодействие; жизнь есть причинная цепь явлений, из совокупности которых составляется вся картина мирового, земного и человеческого, существования. И вдруг в этом огром-

ном, безграничном и бездушном механизме молодая душа начинает чувствовать присутствие чего-то живого, великого, разумного и прекрасного — присутствие Бога. Откуда это чувство? Многие обстоятельства могут этому содействовать, главное то, что надломилась вера в свою молодую непогрешимость, глубоко почувствовалась своя внутренняя несостоятельность. Не стало опоры в самом себе. Явилась потребность в иной, более сильной опоре.

Душа стоит на некотором распутье. Она находится в состоянии неустойчивого равновесия. Прежние влияния и влечения потеряли над ней свою власть. Новые силы в ней еще не определились. Каждый, самый незначительный толчок может иметь в этот момент чрезвычайное, решающее значение для всей жизни. Всплывшие из подсознательной области души сладостные религиозные переживания детства, неожиданно услышанный церковный звон, случайно попавшая в руки книга, встреча и разговор с глубоко верующим человеком, посещение монастыря, таинственная и молчаливая красота природы, яркий художественный образ и многое другое может содействовать тому, что подготовленный уже в душе перелом вдруг найдет свой исход. Проснется детская вера, ярко и сладостно, путеводной звездой загоревшись в душе. Жизнь получает вдруг смысл, является желание жить, работать во имя вспыхнувшего в душе идеала. Старое материалистическое мировоззрение оказалось несостоятельным. Новое религиозное мировоззрение согрело душу и осмыслило жизнь.

Таким образом, главной причиной утраты веры является нездоровое, греховное направление жизни, когда собственная личность с ее эгоистическими стремлениями выдвигается на первое место и заслоняет правильное отношение к Богу и людям. Начавшийся процесс греховной жизни и отчуждения от Бога не может быть остановлен никакими рассудочными способами, пока не дойдет до своего предела, пока молодому сознанию путем горького опыта не откроется ясно бессмысленность и невозможность жизни без Бога. Так было и с дохристианским человечеством.

Вспоминая свою собственную молодость, я нахожу в ней подтверждение, что таким именно путем, путем многолетней внутренней драмы происходило во мне возвращение к утраченному религиозному мировоззрению и идеалу. Пробудившееся в душе религиозное чувство сразу же по иному освещает мир и жизнь. Молодая душа начинает видеть красоту и величие мира, появляется вера в высший смысл и значение жизни, открывается сердце к восприятию Евангелия. Начинает тянуть в церковь, к богослужению, к исповеди, к причастию, хотя мысли нередко остаются еще еретическими. И когда в молодой душе после пережитого раньше хаоса начинают говорить эти новые чувства и потребности, тогда смело можно сказать, что эта душа уже спасена. Здесь начинается новый период жизни, когда, утвердившись на камне горьким опытом приобретенной, а не рассудочно усвоенной веры, человек начинает сознательно строить на этом основании свою жизнь.